

УДК 811.161.1 + 81:39

ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Маймакова А.Д.

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы,
e-mail: amaimakova@mail.ru*

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Столь же неоспорима связь языка с культурой, орудием и ипостасью которой он является. Интерес к языку как культурной ценности, которая отражает специфику того или иного этноса, характеризует этнолингвистику. В центре внимания данного направления находятся вопросы связи языка с духовной культурой, устным народным творчеством. Язык рассматривается как вербальный код культуры. В этой связи в рамках этнолингвистических исследований проводится реконструкция славянского быта, древней картины мира, изучаются мифология, фольклор. В настоящей работе в рамках указанного подхода описывается одно из понятий, релевантных для русской ментальности, – понятие гость. Выбор в качестве объекта исследования лексемы гость обусловлен актуальностью семантики гостеприимства для системы русского языка и русской коммуникации, важностью и национальной самобытностью самой культуры гостеприимства в русском обществе. Культурная детерминированность этого понятия для русской модели мира ярко проявляется в ходе сопоставительного анализа с казахской моделью мира, объективированной в языке. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в ткани языка специфическим образом объективируются культурные феномены, которые создают уникальность и неповторимость языковых картин мира. Каждый народ создает свою культуру, а культура так или иначе отражается в языке.

Ключевые слова: язык, этнос, культура, этнолингвистика, гость, гостеприимство, русская культура, казахская культура

LANGUAGE AS A MIRROR OF CULTURE OF PEOPLE

Maimakova A.D.

Abai Kazakh national pedagogical university, Almaty, e-mail: amaimakova@mail.ru

Language has always remained as the most striking characteristic of ethnic identification. Equally undeniable is the relation between language and culture, where language acts as an instrument and a hypostasis of culture. Interest in language as a cultural value, which reflects the specifics of a particular ethnic group, characterizes the ethnolinguistics. This area focuses on the questions of communication of language with the spiritual culture, oral folk art. Language is seen as a verbal code of culture. In this regard, within the ethno-linguistic researches, the Slavic life, the ancient picture of the world are being reconstructed, mythology and folklore are being studied. In this article, in the framework of the said approach, described is one of the concepts relevant to the Russian mentality, – the notion of a guest. The choice of a lexical item guest as an object of research was due to the significance of the semantics of hospitality for the system of Russian language and Russian communication, and due to the importance and national identity of the culture of hospitality itself in the Russian society. Cultural determinism of this concept for the Russian model of the world is most pronounced in the course of a comparative analysis of the Kazakh model of the world, objectified in the language. The analysis shows that in the fabric of a language in a specific way objectified are the cultural phenomena that create uniqueness and originality of the linguistic world-image. Every nation creates its culture, and culture is somehow reflected in the language.

Keywords: language, ethnos, culture, Ethnolinguistics, guest, hospitality, Russian culture, Kazakh culture

Язык нации, по мнению Д.С. Лихачева, является сам по себе сжатым, алгебраическим выражением всей культуры нации.

Судьбы языка и этноса всегда были тесно связаны, поэтому без обращения к этнической истории носителей языка нельзя себе представить конкретных исследований в области языкознания [16, с.34].

Язык накапливает и закрепляет в своих единицах (главным образом в словах, словосочетаниях, фразеологических оборотах) знания, опыт, приобретенные людьми на протяжении многих веков. Язык становится своеобразным зеркалом жизни народа, но не только в настоящем, но и в силу способности закреплять и накапливать «память поколений» в своих единицах он сохраняет в народной памяти «следы» далеких

эпох и недавнего времени. Поэтому любой язык – бесценное национальное достояние, воплотившее национальный склад ума, самобытность внутреннего мира, психологии, философии народа, неповторимость его исторического пути.

Будучи средством выражения национальной культуры, язык сам становится в ходе исторического развития народа, по мере развития его культуры, феноменом данной культуры. Язык как феномен культуры, как зеркало духа нации является предметом исследования одного из актуальных направлений современного языковедения – этнолингвистики.

Этнолингвистика – дисциплина, сформировавшаяся «на пересечении этнографии и лингвистики для изучения взаимоотноше-

ний между этносом, языком и культурой, а также для выявления роли языка в этнической культуре, обществе и в отдельных этносоциальных группах» [11, с.41].

Этнолингвистика, по Н.И. Толстому, «раздел языкознания или шире – направление в языкознании, ориентированное на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» (Толстой Н.И. Указ. раб. – С.27).

В этнолингвистических разысканиях, отмечает ученый, язык является основным предметом исследования независимо от того, «какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т.п.) подвергается анализу» (Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос)* : Сб. науч. тр. – Л.: Наука [ЛО], 1983. – С.182).

В настоящей работе делается попытка описать в рамках указанного подхода одно из ключевых понятий, релевантных для русской ментальности, – понятие гость. Культурная детерминированность этого понятия для русской модели мира ярко проявляется в ходе сопоставительного анализа с казахской моделью мира, объективированной в языке.

Гостеприимство является одной из характерных черт русского и казахского национальных характеров. И русскому, и казахскому народу свойственны готовность и желание принять гостей, угостить их, поскольку в них укоренен культ гостеприимства. В какой бы далекий путь не отправлялся казах, он никогда не брал с собой никакой еды: он знал, что в любом ауле, у любого очага он найдет кров, тепло и еду. Не принять и не накормить путника у казахов считалось большим позором, преступлением. Ср. в этой связи представление о гостеприимстве как готовности приветить странника или нищего в Древней Руси, которое осознавалось как добродетельное, одобряемое в морально-религиозном смысле: гостеприимство и гостеприятие ‘добродетель, состоящая в принятии в дом свой и угощение странных, бедных и пришельцев, без всякого за то воздаяния’ [12, с.276]; гостеприимный ‘любящий гостей принимать, угощать’, ‘страннолюбивый, любящий принимать в дом свой странных и бедных’ [12, с.277]. Известно, что в народной традиции Бог

может ходить по земле в одиночку в виде странника, нищего или в сопровождении святых [1, с. 202]. Ср., например: Раз как-то принял на себя Христос вид старичка-нищего и шел через деревню с двумя апостолами... [2, с.31]; Давно было – странствовал по земле Христос с двенадцатью апостолами. Шли они раз как бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христос и апостолы. Вот пришли они в деревню и попросились на ночлег к богатому мужику... [2, с.34–35]. Поэтому нельзя было проявить невнимание к незнакомому человеку, пришедшему в дом неожиданным гостем. Эти представления, несомненно, соотносятся с христианской моралью: «Под взаимным вниманием находится народное и церковное понимание гостеприимства не только как проявление братской любви, которую христианин должен испытывать ко всем, но и как возможное воздаяние («контекст обменных отношений») за гостеприимство: через гостя-странника признают или не признают, принимают или отвергают Господа; принявшим Гостя воздастся во время второго пришествия» [10, с.448]. Значимо также, что «гость» обуславливает внутреннюю форму самого имени Господь, основного распределителя благ и доли.

На индоевропейском уровне можно заметить уникальное соседство трех значений слова гость: «Понятия врага, чужого (и чужестранца) и гостя, являющиеся для нас тремя различными семантическими и юридическими категориями, в древних индоевропейских языках теснейшим образом связаны» [4, с.368].

Э.Бенвенист, исследуя понятие гость в ряду других социальных терминов, семантическое развитие в нем от ‘чужой (чужестранец), враг’ до ‘гость’ объясняет архаичным представлением о чужом как враге, превращение которого в «гостя» возможно лишь при наличии отношений взаимопомощи, взаимных обязанностей и связано с ритуализованными формами обмена, включающими пиры, угощения, чествование [5, с.74-83].

В русском языке значение ‘враг’ было утрачено, зато выделилось в самостоятельное значение ‘торговец, купец’. Ср. др.-рус. гость ‘гость’, ‘чужеземец’, ‘иноземный, приезжий купец, иногда и вообще купец’ [15, с.569].

И если в представлении русского народа гость – лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», представитель «инога мира», то для казахского народа қонақ (‘гость’) пре-

жде всего кудайы қонақ ‘божий посланец’, которому предназначается қонақасы (қонақ ‘гость’ + асы, здесь ас выражает обобщенное понятие пищи) – пища, которая готовится специально для гостей. Ср. казахскую поговорку: Қырықтың бірі – Қыдыр, мыңның бірі – Уәлі ‘Один из сорока гостей – Кыдыр (имя пророка), один из тысячи – Уали (имя пророка)’. Казахи изливают море благожелательности на гостя только за то, что именно к их очагу он повернул своего коня. Общеизвестно, что казахи высказывают обиду человеку, обошедшему их дом своим посещением, вопрошая: «Разве кто-нибудь слышал, что я не мог достойно встретить гостя?»

Согласно традиции, заметив приближающегося путника, старшие дети выбегали ему навстречу, помогали гостю сойти с коня, провожали в дом. Приближаясь к аулу, путник, обычно давал о себе знать возгласами и прежде чем сойти с коня узнавал, чей это аул, чей дом. С должным почтением относились и к коню гостя. Об этом свидетельствуют строки из произведений Махмуда Кашгарского (X в.): «Придет гость – встретить его с подобающим уважением, не беспокоить его, дай его коню корма, воды и пусть он тоже будет доволен».

Хождение же в гости у русских в достаточной степени регламентировано: на большие семейные торжества (крестины, свадьбу и др.), на некоторые праздники, связанные с хозяйственной жизнью семьи (новоселье, начало или завершение жатвы, начало стрижки овец и т.п.) гости приходят только по приглашению. Ср. пословицы: К обедне ходят по звону, а к обеду (в гости) по зову; Незванный гость хуже татарина; Не вовремя (не в пору) гость хуже татарина; «Незванные (поздние) гости глодают кости [8, с.404]. В то же время известны случаи, когда не приняв приглашать, но принято приходить в соответствии с этикетной и ритуальной необходимостью. Так, в первые дни после родов роженицу посещают ближайшие соседки и приятельницы; существует целая система взаимных посещений молодоженов и их родственников в течение первого года после свадьбы; в Прощеное воскресенье родственники наносят визиты друг к другу, причем младшие едут к старшим. Вместе с тем есть дни, когда возбраняется ходить в гости: это первые дни Рождества, Пасхи и др. Кроме того, «нежелательным было появление в доме постороннего в момент выполнения некоторых домашних работ (тканья, снования, заме-

шивания хлеба); в этом случае отношения гостя и хозяев регулировались с помощью специальных приветствий, имеющих цель обезопасить хозяйство и достаток от порчи и возможного урона» [1, с.531].

Угощение, наряду с чествованием и одариванием, как часть ритуала гостеприимства предполагает превращение «чужого» в «гостя»: «Принуждение гостя к еде – обязательный элемент поведенческой тактики хозяев» [1, с.531-532]. Как правило, роль гостя достаточно пассивная, хозяин же ведет себя активно. Ср.: Гость невольный человек, где посадят, тут и сиди; В гостях воля хозяйская [14, с.85; 8, с.404.]; Гость во власти хозяина; В гостях, что в неволе; У себя как хочешь, а в гостях как велят; Гость хозяину не указчик; В чужом доме не осуждай! [6, с.235] и др. Гость вынужден подчиниться определенным этикетным требованиям. Так, он не может отказаться от угощения, поскольку это не только оскорбит хозяев, но и «может привести к негативным последствиям для хозяйства (умрут пчелы, сдохнет корова, поля зарастут сорняками и т.п.), а также обернуться несчастьями (главным образом болезнями) и для самого гостя» [1, с.532]. Согласие гостя принять угощение является залогом будущего благополучия хозяев.

В русской культуре, таким образом, гость ассоциируется с носителем судьбы, способным «повлиять на все сферы человеческой жизни», и «подателем благ». Хозяин «стремится как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического договора с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее» [1, с.532].

Анализируя понятие «хозяин» и функции, которое выполняет обозначаемое лицо в восточнославянской традиции, Е.Е.Левкиевская замечает, что заимствованное из тюркских языков слово хозяин вытеснило из русского языка слово господарь (последнее существовало в древнерусском языке и имело значение ‘господин, хозяин’, ‘государь’) [9]. По всей вероятности, именно в этимологии общеславянского слова господарь мы найдем первоначальные истоки ритуальных и магических функций восточнославянского хозяина. Лексема господарь производна от существительного господа (ср. др.- рус. *gospoda* ‘дом, хозяйство’) и через него восходит к праслав. **gospodь/ *gospodin*, которое в славянских языках получило два основных значения: социально-юридическое ‘господин’, ‘лицо, пользующееся властью по отношению к другим

людям, зависимым от него; повелитель' и сакральное 'Господь Бог' [17, с.59; 61]. Праславянское **gospodь* < **gost-pod-* представляет собой сложение двух и.-е. основ: **gost-* (откуда, в частности, рус. *гость*) и **pot-* со значением власти, обладания, владения. Праслав. **gospodь* по своим важнейшим особенностям, этимологии и значению близкородственно лат. *hospes* 'хозяин' и может быть истолковано как 'господин гостя/гостей', т.е. 'тот, кто способен дать прибежище гостю/гостям в своем доме, предоставить кров, оказать гостеприимство' [17, с.61-62; 5, с.74]. Таким образом, поскольку первоначальная семантика славянского хозяина-господаря связана с ритуалом гостеприимства, то это делает первичной доминантой образа не прагматические, хозяйственные, а ритуальные функции [9].

Русское угощение, предлагаемое гостю хлеб-соль. Хлеб-соль, по В.И. Далю, это обед, стол, пища, предлагаемая посетителю, а также угощение: Хлеб да соль, *и* обед пошел!, Без хлеба-соли обедать не садятся, Хлеб-соль кушай, *а* добрых людей слушай, Без хлеба, без соли худая беседа, От хлеба-соли не отказываются; Хлеб-соль! или Хлеб да соль! – пожелание, привет вошедшего в избу во время обеда [7, с.553].

Русское хлебосольство=гостеприимство, переходящее в чрезмерное угощение против воли гостя (это, по всей вероятности, крайности проявления «широты русской души»), когда гость уже не в состоянии есть или пить, а хозяин с женой и детьми становятся перед ним на колени, получило в народе название «Демьянова уха».

Разнообразны приметы, сообщающие хозяевам о предстоящем появлении гостей: «Появление гостя предвещают бытовые события, а также некоторые особенности в поведении человека и домашних животных» [1, с.533]. Так, по поверью, гостей следовало ожидать, «если внезапно на пол упадет ложка (вилка, нож), треснет хлеб в печи, из печки на пол выскочит искра или уголек, если хозяйка по ошибке поставит на стол лишний прибор, если окажется, что в доме приоткрыта дверь..., если кошка умывается, если петух запел, сидя на пороге, а затем повернулся к дому и т.п.» [1, с.533]. Приметы свидетельствуют о повышенном внимании к гостю, а также к самому процессу его прихода и приема хозяевами. Их предназначение – неожиданное (а значит, опасное) сделать ожидаемым, предсказуемым, то есть обезопасить себя и свою семью.

По мнению А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, ритуал гостеприимства представ-

ляет собой «очень удобную и продуктивную модель, позволяющую строить взаимоотношения с самыми разными представителями иного мира, не только мифическими, такими как Бог и духи предков, но и вполне реальными: с природными стихиями, болезнями, которые мыслились как антропоморфные существа, и даже с промысловыми животными» [3, с.124].

Так, в русской народной традиции нередко встречаются табуистические обозначения болезней: северодвин. *госьи* 'галлюцинации' [13, с.96]; волог. гостейка, вологод., олонек. *гостья* и пермск. *госья* 'лихорадка' (У него, должно быть, гостья; У нее госья; Хозяин у меня чо-то не может. – Да чем он не может? – Да токо не госья схватила, то в озноб бросат, то в жар, да трясти зачинат.) [13, с.91; 98], олонек. *гостыца* и олонек., пермск. *гостья* 'оспа' (Гостья идет, гостыца Ивановна, значит, ходит оспа) [13, с.97; 98]. В подобных именовании болезней, особенно эпидемических, прослеживается осознаваемая их иномирность, чужеродность и осторожно подчеркивается их нежелательность, временность присутствия в «своем» локусе.

Следует отметить, что в традиционной казахской культуре каждый человек рассматривается как гость, приходящий на эту землю, в этот мир. Суть эта выражена в философском изречении: «Қарасам бұл дүние шолақ екен, адам деген бір бірине – қонақ екен». – 'Несовершенен этот мир, человек человеку – лишь гость'. Возможность преодоления этого «несовершенства», этой «гостевой ситуации» человека на земле и таится в общении-гостеприимстве, в выражении человеку во всевозможных формах доброжелательности, благосклонности.

Традиционное казахское гостеприимство, таким образом, воспринимается не только как готовность приветить, обогреть, угостить человека, но и как душевно-духовная расположенность хозяина к гостю, как возможность бір-бірімен іштесу (іш 'внутреннее, нутро', не могущее быть воспринято внешне) – общения, сосредоточенного на внутреннем, потаенном душевно-духовном уровне, едва ли не позволяющем приблизиться к «краю» тайны общающихся, их эмоционально-интеллектуальному миру. Это общение невозможно переоценить, поэтому казахи всегда жаждут гостя.

Как видим, даже описание одного из ключевых понятий дает возможность убедиться в том, что в ткани языка специфическим образом объективируются культурные

феномены, которые создают уникальность и неповторимость языковых картин мира.

Приведенные данные подтверждают мысль о том, что модель мира у представителей того или иного этноса формируется под влиянием различных социально-когнитивных опор и вербальных стереотипов.

Таким образом, различные языки по-разному членят один и тот же мир и обозначают одни и те же реалии. Каждый народ создает свою культуру, а культура так или иначе отражается в языке.

Список литературы

1. Агапкина Т.А., Невская Л.Г. Гость // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – Т.1. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 531-533.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. – Новосибирск: Наука, 1990. – 270 с.
3. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 167 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр./ Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984. – 400 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1998. – 688 с.
8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус.яз., 1998. – 544 с.
9. Левкиевская Е.Е. Ритуально-магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре // Мужской сборник / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. С.П. Бушкевич. – Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 106-114.
10. Невская Л.Г. Концепт «гость» в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. Язык. Семиотика. Культура. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 442-452.
11. Пономарьов А. Українська етнографія. – Київ: Либідь, 1994. – 317 с.
12. Словарь Академии Российской. 1789-1794. В 6 т. – Т.2: Г-Ж. – СПб: РАН, 1790. – 664 с.
13. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – Вып. 7. – Л.: Наука, 1972. – 356 с.
14. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Индрик, 1999. – 624 с.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – Т. 1. – М.: Знак, 2003. – 776 с.
16. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
17. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – 224 с.